

КРЕМЬ 2222

КРЕМЛЬ 2222

Дмитрий Силлов

ПЕТЕРБУРГ

АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С 36

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «КРЕМЛЬ» основана в 2011 году
Оригинал-макет разработан редакцией Астрель СПб

Художник — *Александр Руденко*

Силлов, Дмитрий Олегович.

С 36 Кремль 2222. Петербург / Дмитрий Силлов. — Москва : АСТ, 2014. — 320 с. — (Кремль).

ISBN 978-5-17-087852-9

Петербург.. Город, сожженный Последней войной человечества, на руинах которого по-прежнему идет смертельная битва. Выжившие люди и жуткие мутанты, чьи предки некогда тоже были людьми, ожесточенно бьются друг с другом за место под солнцем. И вот в это нелегкое время судьба совершенно случайно забрасывает на окраину сожженного города человека из другого мира.

Снайпера.

Который, опять же по воле случая, спасает от гибели девушку — необычайно красивую, загадочную, манящую... Способную тронуть даже сердце воина, закаленного во многих битвах. И, возможно, способную помочь вспомнить о том, что Снайпер давно забыл по воле ученых, сделавших из него в своих лабораториях совершенную машину убийства.

Все это прекрасно, но кто бы теперь спас самого Снайпера — и от ужасов этого мира... и от себя самого?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-087852-9

© Д.О. Силлов
© ООО «Издательство АСТ», 2014

Хронология романов о Снайпере

СТАЛКЕР. Закон проклятого
S.T.A.L.K.E.R. Закон Снайпера
КРЕМЛЬ 2222. Юг
S.T.A.L.K.E.R. Закон Меченого
S.T.A.L.K.E.R. Закон наемника
КРЕМЛЬ 2222. Северо-запад
КРЕМЛЬ 2222. Север
КРЕМЛЬ 2222. МКАД
КРЕМЛЬ 2222. Сталкер
РОЗА МИРОВ. Закон Дракона
ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ. Счастье для всех
РОЗА МИРОВ. Побратим смерти
ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ. Никто не уйдет
КРЕМЛЬ 2222. Петербург

Автор искренне благодарит:

Марию Сергееву, заведующую редакционно-издательской группой «Жанры» издательства «АСТ» и Вячеслава Бакулина, руководителя направления «Фантастика» редакционно-издательской группы «Жанры» издательства «АСТ», за поддержку и продвижение проектов «ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ», «СТАЛКЕР», «КРЕМЛЬ 2222» и «РОЗА МИРОВ»;

Олега «Фыф» Капитана, опытного сталкера-проводника по Зоне, за ценные советы в процессе работы над данным романом;

Павла Мороза, администратора сайтов www.sillov.ru; www.kreml2222.com; www.real-street-fighting.ru; Алексея Липатова, администратора тематических групп социальной сети «ВКонтакте»; Сергея «Ион» Калинцева, корреспондента литературного портала www.litstalker.ru, и Виталия Градова, администратора литературного портала www.stalker-book.com, за помощь в интернет-продвижении проектов «ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ», «СТАЛКЕР», «КРЕМЛЬ 2222» и «РОЗА МИРОВ»,

а также Алексея Лагутенкова, сертифицированного инженера Microsoft, выпускника MBA Kingston University UK, за квалифицированные консультации по техническим вопросам.

Что чувствует человек, проходящий невидимую границу между мирами?

Да, наверное, то же самое, что чувствовала бы экспансивная пуля, пробивающая чужое тело, — если б, конечно, она могла что-то ощущать.

А человек чувствует, что его плющит. Деформирует. Выворачивает наизнанку и рвет на части так, что остается лишь одно желание — поскорее сдохнуть, лишь бы закончилась эта пытка длиною в вечность... а может, и в одно бесконечно растянувшееся мгновение.

Но рано или поздно все проходит. Вот и мой мучительно-бесконечный шаг, наконец, завершился. Я ступил на землю другого мира... и тут же по колено провалился в какое-то полужидкое дерьмо.

Когда ты неожиданно попадаешь в него, самое лучшее, что ты можешь сделать, — это извернуться так, чтобы не плюхнуться лицом в вонючую жижу. Потому, что утонуть в дерьме это, пожалуй, самый грустный финал и без того не особо веселой жизни.

Ну, я и извернулся, перекрутившись в воздухе, словно в аномалию-«мясорубку» угодил. В результате плюхнулся в полужидкую гадость не небритой мордой, а спиной — вернее, габаритным и тяжелым рюкзаком, который на прощанье подарил мне американский сталкер по имени Рэдрик Шухарт. Можно сказать, удачное начало нового дня. Если б не рефлексы, не только бы портретом в вонючую гадость макнулся, так меня б еще

и сверху половиной центнера накрыло. А так ничего, комфортно так приземлился, с сытым чавканьем, которое обычно издает болото, принимая в себя беспечную добычу.

И, кстати, надо отметить, что запах я ощутил соответствующий. Отовсюду тянуло гнильем, затхлой ряской, преющим камышом и сладковато-трупной вонью разлагающегося мяса. Стало быть, повезло мне крупно. Допутешествовался между мирами, в болото угодил. Причем в такое, которое «держит». Забредет в трясины бестолковый лось, одуревший от осеннего гона, или медведь, соскучившийся по бруснике, — тут его и схватит болото. И утонуть не может зверюга, и с места сдвинуться никак. Так и умирает в мучениях, оглашая окрестности тоскливым ревом, постепенно переходящим в жалобный скулеж. Отсюда и характерный запах мертвечины над проклятым местом, привлекающий пожирателей падали, — которые, в свою очередь, становятся очередными жертвами безжалостной аномалии.

Впрочем, если действовать осторожно, есть шанс выбраться из «живого болота». Поэтому я очень осторожно протянул руку к замку на груди, собираясь растегнуть его и потихоньку освободиться от лямок. Глядишь, удастся встать самому так, чтобы трясины не среагировала на резкое движение. Выбраться на кочку, а там и плавающий по поверхности рюкзак зацепить — хищное болото не интересуют несъедобные предметы. Порой и автоматы-пистолеты на его поверхности встречаются, лежат себе рядом с полуразложившимся трупом неосторожного сталкера. Необъяснимое явление с точки зрения физики — хотя удивляться нечему, в Зоне этих необъяснимостей как грибов после радиоактивного дождя.

То, что это Зона, я сразу понял. Чуйка у опытных сталкеров на Зоны реагирует, как счетчик Гейгера на радиацию. В мозгу словно что-то шелкает, и ты сразу

понимаешь, что оказался в аду. То есть, дома. Потому, что этот ад для нас как наркотик для торчка, крепко подсевшего на адреналиновую иглу. Понимаешь, что гадость страшная, разрушающая тело и душу, изменяющая тебя, как ей заблагорассудится, — а все равно никуда ты без нее. Как и она — без тебя.

Но это всё философия для посиделок у камина на Большой земле, а сейчас мне бы только аккуратно замок расстегнуть, дальше уже легче будет...

Но — не получилось.

Внезапно рюкзак будто схватило что-то и резко дернуло вниз, соответственно потащив и меня следом. Да с такой силой потянуло, что вонючая, холодная жижа немедленно плеснула мне в уши, едва не залив рот и нос.

— Вот ссука! — выдохнул я, рванувшись вверх изо всех сил. Теперь не до осторожностей и не до выяснений, кто или что на меня напало. Теперь это только моё дело и моего врага, а аномалия пусть подождет. В любом случае ей ее приз достанется — или моя тушка, иссеченная шрамами, словно мишень для метания ножей, или тело той подлой болотной твари, любящей вкусно пожрать, минимально при этом напрягаясь.

То, что это живое существо, а не какой-нибудь хищный корень, я понял сразу. Даже самые шустрые дендромутанты обычно медлительно-тормознуты — дерево оно и есть дерево, даже хищное. Здесь же чувствовалась мертвая хватка сильной и тяжелой твари, рывками пытающейся утянуть на дно габаритную добычу. И все козыри были у нее — дергайся, не дергайся, а еще пара таких рывков — и я просто тупо утону в болоте. Поэтому, как ни жаль мне было содержимого моего рюкзака, но я решил, что жизнь-то по-любому дороже.

Выдернув из ножен свою «Бритву», я быстро подсунул клинок под левую лямку рюкзака и резанул от себя. Нож у меня отменный, широкий брезентовый ремень

располовинил в легкую. Плёвое дело для лезвия, способного рассекать пространство между мирами.

А вот правую лямку резануть я не успел. Невидимая тварь снизу дернула снова, и я окунулся полностью в болотную жижу.

Вот чего я не люблю, так это когда меня по уши макают во всякие неприятно пахнущие субстанции — и в прямом, и в переносном смысле. В прямом так вообще ненавижу. И хоть мог я уже, в общем-то, выпутаться из лямки и всплыть навстречу тусклому солнцу, но не сделал этого по двум причинам. Во-первых, опасно оставлять за спиной противника, который только что собирался тебя убить. И, во-вторых, макающему меня да воздастся десятикратно. Я вообще человек по жизни незлой и, если мне кто-то что-то хорошее сделает, очень постараюсь отплатить добром за добро. А вот ежели некий нехороший тип попытается мне напако-стить, то можно считать, что он нажил себе большие неприятности. Порой даже фатальные.

В общем, вместо того, чтобы рвануться вверх, навстречу воздуху и возможному спасению, извернулся я на сто восемьдесят градусов и нырнул прям туда, куда пытался затащить меня невидимый враг. В черную, беспросветную глубину болота.

Конечно, «нырнул» — это громко сказано. В вязкой жиже особо не поныряешь, даже если очень захочешь. Но мне не рекорды по плаванию в болоте устанавливать надо было. Мне чисто справедливостью за зло отплатить требовалось, как завещал один очень умный китаец много тысяч лет назад. Короче, рванулся я в глубину и вслепую ткнул ножом туда, где, по моим предположениям, должен был находиться подлый болотный житель. Причем ткнул несколько раз, потому как одиночный удар ножом редко бывает решающим. Хочешь убить — бей несколько раз, молоти, как игла швейной

машинки, и тогда не ты сдохнешь, исходя кровью, а тот, кто только что попытался лишит тебя жизни.

В вязкой субстанции скорость ударов, конечно, падает изрядно, но пару раз я точно попал во что-то отвратно мягкое и дряблое, как тело столетнего дампа, полуразложившегося от времени. Однако за этой дряблой оболочкой угадывались весьма упругие мышцы, в которые даже «Бритва» вошла с некоторым сопротивлением. А потом я чуть не выпустил нож из рук — с такой силой дернулась эта плоть, пронзенная фантастически острым клинком. Дернулась — и рванулась в глубину, увлекая за собой мой драгоценный рюкзак.

А у меня тем временем кончился воздух в легких и силы в мышцах. Переход между мирами и бой в вязкой среде истощают резервы организма с безумной скоростью. Ну, и без воздуха, само собой, особо не повоюешь, и уж тем более не погоняешься за монстром, для которого болото — дом родной. В общем, ничего мне не оставалось, как вынырнуть наверх, хватая ртом воздух, как выброшенная на берег рыба.

Кстати, до берега было не особенно далеко, метра три от силы, где на крутом склоне притулилось кривое хищное дерево. Оно довольно активно отреагировало на возню в болоте, неторопливо, но упорно вода гибкими ветвями над болотом в надежде зацепить добычу. Так опытный рыбак терпеливо «водит» попавшую на крючок крупную щуку, ожидая, когда она устанет и ее можно будет без особых проблем подцепить сачком.

Ну, что ж, хотите — получите. Я, не выпуская нож из рук, в несколько мощных рывков подплыл к этим ветвям, протянул руку и схватился за одну из них, толстую и осклизлую, покрытую наростами-присосками. Опасное предприятие, но мне особенно выбирать не приходилось — вылезти на отвесный берег из болота по-другому вряд ли удастся. Сейчас оно пока не реагирует,

не пытается удержать меня. Еще не дошло до него, что часть его экосистемы круто обломалась со мной, да еще в организме пару лишних дырок заимела. Но скоро дойдет, и тогда, скорее всего, навечно останусь я замурованным в мигом затвердевшей жиже, как вон тот дохлый лось, наполовину объеденный, наполовину сгнивший.

Дерево среагировало немедленно. Присоски тут же раскрылись, готовясь прилепиться к неразумной твари и начать неторопливо перекачивать горячую кровь в корявый древесный ствол. Похвальное желание, жрать надо всем. Но я оказался добычей бесчувственной и жестокой. Три удара ножом — и три ближайšie присоски, хлопая краями вхолостую, полетели вниз, в болото. Я же нашел в себе силы подтянуться, захватить ветку ногами и, вися на ней таким вот обезьяньим манером, срубить еще пару присосок.

Неприятное это дело, когда тебя ножом по живому строгают, мне это хорошо известно. Даже если ты полный тормоз по жизни, не захочешь, аотреагируешь. Вот и дендромутант среагировал: дернулся вполне осути-мо — и спрятал присоски. Все, разом, только темные пятна остались на их месте, да течет темный сок из нанесенных мною ран, так похожий на свежую кровь.

Соответственно, я ж не гад какой, чтобы продолжать резать по-живому — тем более, что дендроксищник сразу стал похож на эдакое несчастное, кривое, полужасо-хшее дерево, лишенное листвы и покорно ждущее закономерного финала в какой-нибудь крестьянской печке.

Ну, если меня не трогать, так я вообще сама доброта, олицетворение кротости и смирения. Поэтому «Бритва» отправилась в ножны, а я вполне благополучно взобрался на толстую ветку и прополз по ней до ствола, по которому без особых приключений, не считая крупной занозы в ладони, спустился на землю.

Занозу я легко вытащил зубами, высосал из ранки крупную каплю крови и с ожесточением сплюнул ее в жидкую траву, цветом напоминающую плоть двухдневного трупа. С ожесточением потому, что на том месте, где я воевал с неведомой болотной тварью, лишь лениво колыхались несколько грязных пузырьков. То есть, мой рюкзак с бронекостюмом, разобранным автоматом, вторым ножом, водой, едой и остальным снаряжением, столь необходимым в Зоне, навсегда остался в вонючей жиже. И теперь вместо более чем приличной снаряды я располагал комплектом неимоверно грязного американского камуфляжа, берцами с высоким верхом и надежной шнуровкой, благодаря которой они тоже не канули на дно болота вслед за рюкзаком, небольшой тактической аптечкой в нарукавном кармане, а также мультитулом в поясном чехле. И, конечно, моим боевым ножом, имеющим собственное имя «Бритва».

Если все это на бумаге написать, можно подумать, что не так уж плохи мои дела. Да, согласен, и хуже бывало. Но без воды, еды, хотя бы минимальной брони и огнестрельного оружия даже опытный сталкер чувствует себя неуютно. Тот, кто думает, что хороший нож это панацея от всех бед, глубоко заблуждается, ровно до появления в поле его зрения какого-нибудь агрессивного настроенного уродца с обрезом двустволки. Или даже, к примеру, ловкого дикаря с примитивным метательным копьем. Конечно, я так просто, за здорово живешь, свою тушку под новые шрамы не подставляю, но на диких территориях предпочитаю иметь при себе как минимум от двух единиц огнестрела, сухпай на пару-тройку дней и солидный запас питьевой воды.

— Тварь вонючая, — с душой сказал я своему невидимому врагу, похитившему драгоценную снаряды. Ответа не последовало, лишь влажно лопнул один из пузырьков на поверхности болота. Я же залепил ранку на ладони бактерицидным пластырем, повернулся и по-

шел себе куда глаза глядят. То есть, на разведку. Надо же понять, куда тебя занесло, прежде чем думать о том, что делать дальше.

Довольно быстро я понял, что нахожусь на обширном клочке суши, поросшем кривыми хищными деревьями, тощими и медлительными от вынужденной диеты: все самое вкусное и питательное забирало себе болото...

А может, и не только оно.

В сгущающихся вечерних сумерках я вдруг увидел меж ветвями слабый отблеск огня. Пришлось вновь вытаскивать «Бритву» из ножен и углубиться в редколесье, периодически отмахиваясь клинком от особенно назойливых хищных ветвей.

Скоро я смог расслышать и голоса — вернее, нервное, прерывистое гудение, которое обычно порождает небольшая толпа, возбужденная чем-либо. Пришлось перейти на более мягкий шаг, тщательно выбирая место, куда можно было бы поставить ногу. Всегда наиболее правильный и безопасный способ знакомства с аборигенами — это рассмотреть их как следует, прежде чем бросаться к ним с распростертыми объятиями. Чужаков нигде не любят, и перед тем, как знакомиться с кем-либо, полезно заранее прикинуть сильные и слабые стороны возможных друзей. В противном случае вполне вероятно, что тебя просчитают раньше, автоматически запишут во враги, и пикнуть не успеешь, как в твоём горле будет торчать то самое пресловутое метательное копье.

В общем, прокрался я вперед насколько было возможно и осторожно выглянул из-за дерева, очень надеясь, что подсохшая грязь на лице сойдет за маскировочную краску...

Это была поляна, лишённая травы и утоптанная до состояния теннисного корта, над которой плавали клочья сырого тумана. Причем, довольно плотные. Настолько, что на фоне особо плотного фрагмента тумана

я заметил нечто вроде миража — то ли длинный сверкающий меч, направленный в небо, то ли шпиль здания, подсвеченный золотисто-красным солнцем...

Но причудливое явление природы меня не особо заинтересовало, так как прямо передо мной разворачивалось гораздо более занимательное действие...

На поляне толпились десятка три существ жутковатого вида, увлеченно размахивая факелами и довольно примитивным оружием. Рожи омерзительные, глаза рыбы, челюсти тяжелые, с выдающимися вперед длинными и частыми зубами. На длинных конечностях — мощные когти, правда, у многих обломанные. На спинах — гребни, похожие на огромные жабры. Ну да, если крупную добычу на дно тянуть, развитые жабры подспорье хорошее... Тела у уродов были зеленоватые, с гипертрофированной мускулатурой, на вид гладкие и скользкие — наверное, только с такой вот жирной кожей и можно плавать в густой болотной жиже. Из одежды лишь нечто, напоминающее набедренные повязки, безыскусно сплетенные из травы, и у отдельных экземпляров какие-то драные лохмотья, напаянные как попало. По всей вероятности, это был символ крутости, а не одежда, в которой жители болотистой местности вряд ли испытывали необходимость.

А вот древняя тяга к жратве и зрелищам была им явно не чужда. У многих тварей на поясных веревках болтались целые гирлянды костей с обрывками гнилой плоти — как оказалось, что-то вроде нашего сухпая. Время от времени какой-нибудь зеленый индивид нервно срывал с пояса неаппетитный кусок и вцеплялся в него зубами, на что соседи реагировали довольно бурно, пихая оголодавшего локтями в ребра — не отвлекайся, мол, проглот, смотри, самое интересное пропустишь.

Действительно — то, что происходило в центре поляны, было достойно внимания. Там когда-то росло